

18+

СЕРГЕЙ РУЛЁВ

Звёздная паутина

РАССКАЗЫ



Сергей Рулёв

Звёздная паутина. Рассказы

«Издательские решения»

Рулёв С.

Звёздная паутина. Рассказы / С. Рулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836650-5

В этой книге представлены рассказы, написанные в разные годы, а объединяют их мистически-фантастические основы сюжетов. Хотя то, где происходят события — в старом подвале или дальнем космосе — не главное. Главное то, как люди реагируют на необычные, а иногда и критические ситуации, о чём они думают, как противостоят вызовам и проходят испытания.

ISBN 978-5-44-836650-5

© Рулёв С.
© Издательские решения

Содержание

Караул	6
Часы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Звёздная паутина

Рассказы

Сергей Рулёв

© Сергей Рулёв, 2024

ISBN 978-5-4483-6650-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Караул

1

– Рота! Смирно! Товарищ капитан, пятая рота для проведения вечерней поверки построена!

Командир прошелся вдоль строя. Посмотрел на дежурного и спросил:

– Все на месте?

– Так точно!

– Хорошо. Тогда сразу зачитывай наряд.

– Дежурный вытащил из списка вечерней поверки постовую ведомость и стал читать.

– Четвёртый пост, первая смена...

– Стой, – перебил его командир, – Дай я сам.

Дежурный нисколько не удивился. Командир всегда поступал так, как ему хотелось. Он был крутым мужиком, это знала вся рота. Устав писался для кого угодно, но не для него. Однако, это не мешало ему держать роту в кулаке. Скорее даже помогало. Штабное начальство прекрасно знало о его методах руководства, поэтому, несмотря на лучшие в батальоне, а частенько и в бригаде, показатели, капитана Белова не особо спешили переводить на должность повыше.

Командир пробежался взглядом по ведомости.

– Кто составлял?

– Старшина, – коротко ответил дежурный.

Командир кивнул.

– Тогда ладно.

Потом он еще раз обвёл взглядом застывшую в молчании роту. Его уважали из страха, и это его устраивало.

– Завтра мы садимся на гарнизонку. Предположительно недели на две, пока с реки не сойдёт лед. Посты трёхсменные. Оставшиеся в роте занимаются по распорядку. Вопросы есть?

– Никак нет!! – как и положено, дружным хором ответила рота.

– Начальник караула – лейтенант Воронин, помощник начальника – прапорщик Шарпов. Посты по сменам: четвёртый – Конев,

– Я!

– Виталин,

– Я!

– Осокин.

– Я.

– Пятый – Москалёв,

– Я!

– Михаленко,

– Я!

– Латышев.

– Я!!!

– Шестой – Трохин,

– Я!!!

– Артемьев,

– Я!

– Снегов.

– Я!

- Скоро лето, Снегов. Смотри, не расслабляйся. Седьмой – Катышев,
 - Я.
 - Летягин,
 - Я!!
 - Морин.
 - Я!!!
 - Повар – Смирнов.
 - Я!
 - Куда ты на хрен денешься с подводной лодки?
- Рота дружно занялась хохотом.
- Отставить, – спокойно сказал командир, и сразу же наступила мёртвая тишина.
 - Смотри, Смирнуха, будешь хреново готовить, я из тебя самого котлет понаделаю.

Понял?

- Так точно!
- Мужик, – констатировал командир и опустил руку с ведомостью, но тут же спохватился.
- Да, а разводящим у нас пойдет... сержант Голубев.
- Я.
- Высоко не летай. Ладно, эти две недели я должен быть за вас спокоен. Чтобы никаких.

Службу бдить. Оружие применять по необходимости, но не дай Бог, кто-нибудь решит поиграть!

Башку сверну лично. Вопросы есть?

- Никак нет!
- Фокин, давай.

Дежурный вышел на середину полосы.

– Рота! Отбой!

Все рассыпались к своим кроватям. Командир никогда не требовал сорока пяти секунд – это всё-таки не учебка, но шевелиться нужно было быстро. Хотя бы для вида. Вот подъём при командире – другое дело. Там попробуй замешкаться, запросто можно и с ноги получить. И никаких отговорок. Если по малой нужде хочешь, так хоть на узел хозяйство завязывай. Вся расслабуха только после зарядки.

Прошло минут десять, пока ребята окончательно улеглись.

– Фокин, проверь заправку обмундирования, – командир кивнул на ряды табуреток и вышел из спального помещения.

2

Весна. Странная она здесь. Ещё снег не везде сошел, лёд на реке стоит, а солнце припекает так, что аж подштанники мокрые.

Осокин вытер со лба пот и поправил под головой шапку. Он полулежал на склоне бугорка, покрытого толстым слоем сухой прошлогодней травы, и смотрел в бездонное голубое небо, тихо улыбаясь своим мыслям. Неужели эта гарнизонка для него последняя? Даже не верится. Два года как один день. Сейчас кажется будто и не было их вовсе, а ведь как они на самом деле долго и нудно тянулись! Но теперь всё, приказ был, стодневка уже в прошлом. Он – дембель. Какое классное слово! Осокин зажмурился, представляя, как он поедет домой. Последнее время он только этим и занимался: представлял дембельский поезд, почти натурально слыша перестук колес, такой, как поётся в солдатской песне:

Колёса поезда стучат.

Теперь я больше не солдат.

И этой музыки колёс вам не понять!

Действительно, кто не служил, тот никогда не поймёт.

А Ленка всё равно – стерва. Ну ничего, скоро у него девчонок будет сколько угодно и на любой вкус. Хотя конечно, обида ещё не прошла. Осокин отслужил уже год, когда получил её письмо: «Коля, извини...» Тогда, по совету товарищей он отправил ей ответ – листок с отпечатком подошвы сапога. Свою растерянность он пытался скрыть за злостью. Растерянность давно прошла, а вот злость и обида остались.

Бывшая подруга всегда вспоминалась, когда Осокин начинал думать о том, как он вернется домой. Но эти воспоминания длились не больше нескольких мгновений, потому что приятные мысли о возвращении забивали все остальные. Зайти домой... Звонок, открывается дверь...

– Чёрт!

Неуместный возглас, донёсшийся со стороны ямы, заставил Осокина поморщиться. Поток приятных мыслей был грубо прерван. Духи просто сами не хотят жить спокойно, это точно. Осокин приподнялся на локте и посмотрел в сторону ямы. Снегов сидел и курил, лениво оглядываясь по сторонам. Ничего, ему уже можно. Но что там случилось у этих придурков?

Латышев усердно кидал лопатой грунт, а Морин, бросив лопату, ковырялся в земле руками. Несвоевременное восклицание принадлежало ему.

Осокин со вздохом сел и выплюнул травинку.

– Морин, ты что, умереть хочешь? Ну-ка, бегом схватил лопату!

Морин оторвался от своего занятия и повернул к нему потное мальчишески-угристое лицо.

– Я... – он замялся, глаза его бегали.

– Головка от торпеды, – продолжил Осокин, – чё встал, как бык?

– Тут... это... – замямлил Морин.

– Не-е-е, я такого тормоза впервые вижу, – оскалившись протянул Осокин. – Ты чего, говорить разучился, что ли?

И без того красное лицо Морина пошло багровыми пятнами.

– Тут мешает что-то. В земле, – наконец выдавил он из себя.

– Снег, что у него там? – устало поинтересовался Осокин.

Снегов щелчком выкинул окурочек и спрыгнул в яму. Подошел к Морину и хлопнул его ладонью по лбу.

– Чё? Растащился? – рыкнул он прямо в лицо Морину. Тот весь сжался, ожидая следующей оплеухи. Снегов мрачно усмехнулся.

– Ну чё у тебя там?

Морин быстро наклонился и стал ковырять пальцами землю.

– Вот здесь что-то. Лопатой никак, – пояснил он.

Снегов взял лопату и несколько раз ткнул в то место. Штык лопаты характерно звякнул.

– Камень, – констатировал Снегов, потом накиннулся на Морина:

– Ну и что ты встал, как баран?! Давай откапывай!

Морин схватил лопату и суетливо замельтешил ею. Снегов постоял над ним немного, потом выкарабкался из ямы.

Неприятность была устранена. Осокин снова развалился на земле, закрыв от солнца глаза ладонью. Пару минут он пролежал, предаваясь блаженству. Потом что-то привлекло его внимание. Вернее отсутствие чего-то. Не слышно работы, догадался он.

Снова сев, Осокин увидел интересную картинку: все трое – Снегов, Морин и Латышев стояли столбами, вытаращившись на что-то на дне ямы.

3

Когда Снегов треснул по лбу Морины, Латышев длинно и нецензурно выругался про себя и отвернулся в сторону. Он отслужил уже три месяца и прекрасно знал, что иногда лучше не высовываться. А этот Морин действительно тормоз ещё тот. И откуда только такие берутся?

Снегов разобрался с Моринным и вернулся на свое место. Когда же они будут вот так же сидеть и смотреть, как работают другие? Латышеву мало верилось, что так когда-нибудь будет. По крайней мере, это виделось лишь где-то в очень отдалённом будущем. А пока, вот она – лопата, вот она – земля, кидать отсюда и до обеда.

Морин опять перестал копать. «Точно хочет нарваться по настоящему», – мрачно подумал Латышев. Он обернулся к Морину, чтобы вполголоса сказать ему, чтобы не валял дурака, но увидев вытаращенные от ужаса глаза и перекошенную физиономию Морины, сразу же забыл о своих намерениях. Латышев перевел взгляд вниз – туда, куда смотрел Морин, и у него начало медленно вытягиваться лицо. Он увидел то, во что упиралась лопата Морины, и что Снегов слишком опрометчиво назвал просто камнем.

4

Снегов сидел на краю ямы, задрал голову вверх и уставившись на одинокое облачко. Оно медленно плыло, меняя по ходу свои очертания. Значит, там наверху есть ветер. А здесь хоть бы чуть-чуть дунуло! Снегов чувствовал, как из подмышек стекают по ребрам тоненькие ручейки пота, прохладно щекоча кожу. Ну и жарыща! Снегов вздохнул и опустил голову. Глаза сразу ослепило. Чёрт! На реке до сих пор стоит лед, хотя вдоль берега уже тянется полоса чёрной воды. Ещё день-два такой жарыщи, и река тронется. Дня три будет сходить шуга, а потом придут катера, и кончится их гарнизонка. Останется пережить лето, а осенью – домой. Осокин, вон, лежит, тащится. Ему не надо загадывать, что же будет летом. Для него эта гарнизонка – последняя строка в книге службы.

А всё-таки как хорошо после здешней-то суровой зимы посидеть вот так вот – солнышко, тишина... Чёрт! Опять эти духи не работают. Ну ничего им без зуботычины не объяснишь!

Снегов спрыгнул в яму.

Он даже не успел раскрыть рот, чтобы привычно гаркнуть, как увидел то же, что и духи, и остолбенел. Волна беспричинного страха окатила его, заставив напрячься каждую клеточку тела. Снегову захотелось позвать кого-нибудь. Осокина, например. Неужели так сложно открыть рот и крикнуть? Оказывается, да. Снегов почему-то никак не мог разжать сведенные судорогой страха челюсти. Это уже не лезло ни в какие ворота. Снегов вдруг понял, что его сознание начинает странным образом раздваиваться. Одна часть сжалась в комок под накатывающими волнами необъяснимого ужаса, а другая часть спокойно наблюдает за этим процессом.

– Эй! Вы что там все охренели, что ли?!

Крик Осокина сорвал оцепенение со всех троих. Снегову это показалось чудом. Он думал, что будет так стоять вечно. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока окончательно не сойдет с ума.

– Я ещё раз спрашиваю: вы что, охренели, что ли? – Осокину явно не понравилось, что его вопрос остался без ответа.

Снегов посмотрел в его сторону и увидел, что тот стоит, подперев руками бока, и грозно на них смотрит. Снегову захотелось дико заржать при виде этой рожи. После такого... Он не смог бы словами выразить то, что с ним творилось, но одно он знал точно: теперь ни одной грозной рожей его не испугаешь. Поэтому вместо ответа он крикнул Осокину:

– Колёк, а ты бы подошел сам, да и посмотрел, – голос прозвучал хрипло и как-то неестественно, но Снегову было наплевать.

Осокин двинулся в их сторону и остановился на краю ямы.

– Глянь-ка сюда, – сказал Снегов, ткнув пальцем под ноги, и чуть не рассмеялся, наблюдая, как вытягивается лицо у Осокина.

5

Морин стоял, вытаращив глаза. Всё тело напряглось, словно в ожидании удара. Морин закрыл бы глаза, если б мог, тогда не так страшно было бы и получить. В конце концов, он уже смирился с тем, что получает в день как минимум одну зуботычину. Кто-нибудь другой, окажись на его месте, скорее всего озлобился бы, а Морин воспринимал подобную дискриминацию по-философски. С той лишь от философов разницей, что не задумывался над этим. Он просто терпел, редко вспоминая о призрачно-безоблачном доармейском прошлом и вообще не заглядывая в будущее.

Так он и служил до того момента, когда ускоренный в своих действиях оплеухой Снегова, не откопал эту чёртову... Да, медленно дошло до Морина, это – маска, каменная маска. Но почему тогда они все стоят, вытаращившись на нее? Почему он сам стоит, причем стоит, чувствуя дикий страх перед этим безобразным оскалом? Страх, первобытный ужас переполняли сознание Морина, но в то же время он как бы наблюдал за всем этим со стороны. Странно. Но Морин не умел задумываться и над странностями.

Голос Осокина ударил по до боли напряжённым нервам, и Морин с удивлением обнаружил, что оцепенение пропало. Когда Осокин остановился столбом на краю ямы, Морин с удивлением подумал – что это с ним? Не сразу, но до него дошло, что он так же, как и они, попал под влияние Маски.

Морин перевел взгляд на саму Маску. Рельеф её имел вроде бы вполне определенные формы, но в то же время черты были неуловимы – он не смог бы толком описать её. Он видел чётко только оскал – жуткий, неестественно злобный оскал Маски. Все равно непонятно, почему он до оцепенения испугался вначале её вида. Да, морда жуткая, нечего и говорить. По крайней мере, желания подойти к ней и хотя бы потрогать её как-то не возникало.

Морин снова посмотрел на Осокина. Тот всё ещё стоял на краю ямы, подобно статуе. Тут Морина внезапно осенило: его надо вывести из этого состояния. Непонятным для себя образом он решился сказать:

– Коля, ты что? – и тут же с ужасом осознал, что сделал это, пожалуй, зря. Но ничего особо страшного не произошло. Снегов посмотрел на него совершенно равнодушно, Латышев даже не повернулся, зато Осокин вздрогнул, очнувшись. Ошалело оглядев всех, он хрипло прокаркал:

– Перекур.

Потом вытащил сигарету и уселся на краю ямы, изредка бросая вниз косые взгляды. Снегов тоже достал сигарету. Увидев взгляд Латышева, он протянул одну сигарету ему.

Морин не курил, поэтому просто уселся в уголке, глядя то на Маску, то на ребят. В голове что-то мельтешилось, но ни одной мысли он так и не смог ухватить за хвост.

Наконец, Осокин выкинул бычок и сказал:

– Хорош.

Потом рассмеялся как-то странно и пробормотал ни к кому не обращаясь:

– Ну и ну. Вот жеж...

Поглядев на уже выкинувшего окурки Снегова и поспешно бычкующего сигарету Латышева, он перевёл взгляд на Морина.

– Моряк, хватай эту штуковину, и повалили в караул.

«Как обычно, – думал Морин, с брезгливым чувством поднимая с земли Маску. – Ну и тяжеленная, падла».

6

Лейтенант Воронин сидел один в комнате начальника караула и читал Чейза. Он не особо уважал чтиво, но больше заняться было нечем. Если бы жена не подсунула ему эту книжечку, он бы сейчас вообще умирал от скуки. Хотя и с книгой до веселья далеко. Можно было бы конечно поспать, но за неделю он уже выспался на месяц вперед, а лежать и смотреть в когда-то белый потолок тоже было уже выше его сил. А читал он медленно, так что этой книжонки как раз должно хватить до конца гарнизонки, чтобы совсем не закинуть.

Шаги на крыльце заставили его оторваться от буквы «о» в слове «пошёл». Заскрипела открываемая дверь, и Воронин поднял взгляд в сторону окна над пирамидой с автоматами отдыхающей смены. В окне показалась физиономия Осокина.

– Товарищ лейтенант, мы закруглились.

Воронин кивнул.

– Много еще осталось?

– Да нет, – протянул Осокин. – Следующая смена, пожалуй, уже и закончит.

– Хорошо, – опять кивнул головой Воронин. – Идите, отдыхайте, подниму за полчаса до смены, чтобы успели поужинать.

– Хорошо, товарищ лейтенант, – согласился Осокин и было уже отошел, но вдруг снова вернулся к окошку.

– Товарищ лейтенант.

Воронин оторвался от буквы «л».

– Что?

– Товарищ лейтенант, – голос Осокина звучал чуть хриловато, – посмотрите, что мы там выкопали.

Воронин попытался изобразить на лице первую степень заинтересованности.

– Что?

– Морин, – крикнул Осокин. – Тащи её сюда.

Перед окошком показалось вспотевшее лицо Морина.

– Не сюда, баран, в комнату занеси, – заскрипел на него Осокин.

Морин ввалился в дверь, потоптался в нерешительности, потом подошел к столу и молча положил на него Маску.

– Что это? – успел спросить Воронин перед тем, как взглянул на неё.

Морин виновато улыбнулся и покосился на Осокина. Тот злорадно ухмылялся.

Воронин сидел и чувствовал, как волосы у него на затылке медленно встают дыбом. От этой штуковины исходила волна такого ужаса, какого Воронин никогда раньше не смог бы себе даже и представить. Он просто не предполагал, что ему может быть так страшно. Особенно без видимой на то причины. «Мне страшно», – отстранённо подумал Воронин и тут же ужаснулся от мысли, что, по всей вероятности, сходит с ума. Сознание странным образом раздвоилось. Вторая часть «я» Воронина уже готова была в панике упасть на дно бездонного чёрного колодца и сжаться там в комок вслед за первой, когда голос Осокина раздался, как ему показалось, над самым ухом.

– Товарищ лейтенант, что с вами?

Воронин отвернулся от Маски с такой скоростью, словно её вид жёг ему глаза.

– Нет, ничего. – Хрипло сказал он. – Идите, отдыхайте.

Немного подумав, он как-то странно усмехнулся и добавил:

– Интересная штукавина. Пусть пока здесь полежит. Возможно, какой-нибудь там музей вынесет вам благодарность.

– Может быть, – с не менее странной усмешкой ответил Осокин.

7

Конев шел сразу вслед за Голубевым. Под ногами противно поскрипывали полуистлевшие деревянные трапы периметра, по правую сторону тянулся надоевший выше горла досчатый забор с колючей проволокой. Вот уже год через сутки на сутки он заступает в этот чёртов караул, кроме того, это уже вторая гарнизонка. Что такое гарнизонка? Это две недели: караул, периметр, вышка, периметр, караул, периметр, вышка... И так далее. Целыми сутками, сутками, не днями – одно и то же. Едет, едет потихоньку башня от такой службы.

Хоть бы знать, что охраняешь. А то год уже долбишь в этом карауле и ничегошеньки не знаешь. Склады. Как же! Что-то он ни разу не видел, чтобы сюда что-нибудь завозили или что-нибудь вывозили. Всё можно было бы, конечно, объяснить какой-нибудь там секретностью или ещё чем в том же духе, да разве можно охранять вот так что-нибудь секретное и важное? Забор, хоть и высоченный, но весь перекошенный, солдаты службу тащат без продыху... да и вообще, слов нет! Конев сплюнул на полугнилые доски под ногами: а вали всё оно в одно место, чтобы ещё и голову этим забивать. Он дослужит здесь сколько положено, и домой. Пусть другие думают, кому всё это надо.

Вообще нет, ему это тоже надо. Зря или не зря он отдаёт кому-то два года из своей жизни? Не самые худшие, между прочим, в смысле возраста. На гражданке он бы сейчас... Ух! Но что толку мечтать, ведь он сейчас не на гражданке. Ничего, год прошёл, и ещё год пройдет. Зато потом он оторвётся на всю катушку. Небу жарко станет!

Конев вдруг почувствовал страшную усталость. Зачем думать о чем-то? Армия – это не такое место, где следует много думать. Особенно это касается солдата. Так даже в Уставе записано.

Конев поднял взгляд и увидел, что они уже подходят к караульному дворику. «Ну вот, – подумал он, – ещё четыре часа отстоял, теперь восемь часов давления массы. Сон – вещь нужная в нашей нервной работе».

Голубев первым поставил автомат в ячейку места для разряжания оружия и сказал:

– Разряжай.

Конев поставил автомат, за ним подошли Москалёв, Трохин и Катышев. Он не стал ждать их и, быстро отсоединив магазин, передернул затвор и сделал контрольный спуск. Как и положено, раздался сухой щелчок курка по бойку.

– Разряжено, – буркнул он, на что Голубев безразлично кивнул головой.

На то, как разряжают автоматы Катышев и Москалёв, Голубев тоже не обратил никакого внимания, зато к Трохину оно было особым.

– Разряжай, – подал он команду отдельно для него.

Трохин отсоединил магазин и, как положено по Уставу, отчеканил:

– Оружие разряжено.

Потом отвел назад затворную раму.

Голубев сделал вид, что заглянул в щель под крышку ствольной коробки, после чего сказал:

– Осмотрено.

Трохин отпустил затвор, нажал на спусковой крючок и поставил автомат на предохранитель.

– Оружие разряжено и поставлено на предохранитель, – отбарабанил он уставную фразу.

Голубев хлопнул его по плечу и подытожил:

– Мужик, Троха. Только зачем два раз повторять, что оружие разряжено?

Трохин смущенно улыбнулся.

– Ладно, Троха, – Голубев еще раз хлопнул его по плечу и подтолкнул в спину, – вали в караул.

Тот схватил автомат и сделал то, что ему сказали.

– Голубь, – склеил недоумённо-интересующуюся гримасу Катышев, – он тебе что, даёт, что ли?

– Дурак, – беззлобно отозвался Голубев, перебивая лошадиный смех Катышева. – Что бы ты понимал. Он просто нормальный пацан, не тормоз вроде Морина.

– Э-э-э! – махнул рукой Катышев. – Все они – тормоза.

«А ты не тормоз?» – почему-то вдруг подумал Конев, но вслух ничего не сказал, а просто закинул за плечо автомат и пошёл в караул.

8

Удар.

Ещё удар.

Удар за ударом.

– Уйди! – не выдержал Катышев. – Отстаньте от меня все!

– Дайте поспать, – попросил он, но удары продолжались и, казалось, не будет им конца.

– Перестаньте стучать!!! – заорал Катышев и понял, что это сон, а он начинает просыпаться.

Неужели он орал вслух? Сонные мысли путались, протекая через голову, словно вязкая клейкая паутина. «Вот чёрт», – смог, наконец, он подумать. И уже хотел повернуться на бок, когда до него вдруг дошло, что удары-то продолжают. Глухие, но даже на слух увесистые. Удар, три секунды тишины, опять удар. Это уже не сон.

«Что за дятел?» – среди эмоций Катышева появилось и стало разрастаться недоумение.

А стук продолжался – методичный, завораживающий своей ритмичностью.

«Это здесь, в спальном помещении», – вдруг понял Катышев. Недоумение мгновенно превратилось в злость, но способности к расширению не утратило. Катышев решил, что сейчас он встанет, и этот шуточный, этот долбаный дятел элементарно получит в репу, пусть это даже будет Осокин. Кого волнует, что ты – дембель? Духов это может и беспокоит, но его, Катышева, нисколько.

Катышев с трудом раскрыл сонные глаза и попытался приподняться на локте, чтобы посмотреть на этого придурка. Эта попытка привела к тому, что злость снова сменилась недоумением. Он не мог даже пошевелить пальцем! За такие шуточки бьют долго и больно.

Катышев дернулся еще раз – результат тот же. Но он же прекрасно чувствует, что его никто не держит! «Что за хренотня?» – растеряно подумал Катышев. Он лежал на спине, и взгляд его упирался в потолок чуть впереди. В комнате был полумрак – из приоткрытой двери, ведущей в общую комнату, била полоса света.

Не имея возможности шевельнуться, Катышев до предела скосил глаза вбок. Он уже сориентировался и понял, что стук идет от стенки, слева от него, а странный паралич и стук непостижимым образом связались в его голове в одно целое. Пытаясь выяснить причину стука, Катышев подсознательно пытался узнать: почему, чёрт возьми, он не может пошевелиться?!

Скосив до предела глаза, Катышев увидел стоящего в полосе света возле самой стены Морина.

Катышев почувствовал, что ему сейчас станет плохо, и поспешно закрыл глаза.

9

Стук раздавался над самым ухом. «Кому там неймётся?» – недоуменно подумал Трохин, пересекая тонкую грань между сном и реальностью.

Он спал на левом боку и отлежал руку. Попытавшись высвободить её из под себя, чтобы она отошла, Трохин обнаружил, что совсем не может пошевелить ею. Чертыхнувшись мысленно, он хотел вытащить её правой рукой, но с удивлением выяснил, что и она тоже не желает его слушаться.

Стук продолжался.

«Ну что за чёрт?» – снова подумал Трохин, открывая глаза.

Как только он это сделал, с его губ тут же сорвалось заковыристое нецензурное выражение. Вернее, ему показалось, что оно сорвалось, на самом же деле тишину спального помещения по прежнему не нарушало ничего, кроме этого сухого монотонного стука. Впрочем, пока Трохин для чего-то подбирал в уме определение для этого распроклятого стука, тот успел стать немного чавкающим.

Увиденное показалось Трохину слишком нереальным. Он зажмурился. «Господи, – пронеслось у него в голове, – Может, я все еще сплю?» С минуту он пытался убедить себя в этом, но ничего не выходило. Это не сон. Он действительно лежит, как бревно, не имея ни малейшей возможности пошевелиться, а там у стены действительно стоит Морин, и он действительно... О нет!

Трохин почувствовал непреодолимое желание снова открыть глаза. Конечно, это ужасно, но, тем не менее, он снова должен увидеть это.

Открыв глаза, он снова это увидел.

Зрелище явно не для слабонервных.

Морин стоял возле стены с вытаращенными как у раздавленной лягушки глазами на абсолютно бескровно-белом лице и методично бил в стену кулаками. Взгляд Трохина медленно переходил с лица Морина на его руки. Он знал, что там увидит, боялся, но хотел это увидеть.

Удар правой, удар левой. Снова правой и снова левой. На каждый удар стена отзывается глухим, слегка чавкающим звуком.

Медленно, очень медленно взгляд Трохина скользил по рукам Морина, постепенно подбираясь к кулакам.

Локоть, запястье... кисть. Наконец, взгляд Трохина упёрся в то, к чему так осторожно крался. Это плохо сказалось на желудке Трохина. Штормовой волной накатила тошнота. Трохин сжал зубы, борясь со спазмами, но это не помогало. Кисло-горькая жидкость уже вылилась в рот, и Трохин ещё крепче сжал зубы, одновременно судорожными взглатываниями пытаясь вогнать её обратно в желудок. Кроме того, пришлось бороться с паникой, нахлынувшей вместе с головокружением.

С трудом закрыв глаза, Трохин сражался со своим организмом, поэтому не сразу заметил изменение характера стука. Тот стал убыстряться. С каждым новым ударом их частота увеличивалась. Вскоре мерный стук превратился в частую дробь, от которой по коже начали бегать мурашки.

«Неужели это никогда не закончится?» – тоскливо подумал Трохин.

Однако ничто не может продолжаться вечно.

Трохин приоткрыл глаза и увидел бешено работающего кулаками Морина. Лицо его, как показалось Трохину, стало ещё блее, а глаза ещё больше вылезли из орбит.

Трохин с трудом подавил очередной спазм в желудке, но кислятина уже лезла в нос, и он почувствовал, что на глаза начинают наворачиваться слезы. Ну и хорошо. Теперь-то он уж точно не сможет видеть Морина.

И вдруг стук прекратился.

Трохин стал промаргиваться, чтобы согнать слезы, но всё равно не успел увидеть, как безвольно упали руки Морина, закатились глаза, обнажив налитые кровью белки, и как сам Морин, подломившись в коленях, безжизненной массой рухнул на пол.

Трохин услышал только стук упавшего тела и тут же почувствовал, что оцепенение пропало.

Перекинув голову за край кровати, он стал выворачиваться наизнанку. Его рвало до тех пор, пока в желудке не осталось совсем ничего. Выплюнув последнюю жгучую каплю, он устало откинулся на спину.

10

Голубев сидел в общей комнате и играл с помощником в нарды, когда в спальном раздался странный стук. С первым же ударом не менее странный столбняк сковал и его и помощника. Голубев видел бескрайнее удивление в глазах прапорщика Шарапова и догадывался, что на его собственной физиономии нарисовано удивление несколько не меньшее.

Время тянулось, как густой сироп. На стене напротив висели часы, и Голубев подумал: не остановились ли они. Но нет, часы всё-таки шли.

Прошли долгие десять минут, и стук, нёсшийся из спального, резко оборвался. Как только прошел сковывающий тело паралич, Голубев подорвался с места со скоростью, превышающей средние человеческие возможности. Распахивая до конца дверь в спальное, он увидел падающего на пол Морина.

Полный самых мрачных предчувствий, Голубев медленно подошел к стене и склонился над Мориним. Белое как мел лицо с закатившимися глазами, сведенное судорогой тело. А руки! Вместо кистей какая-то мешанина из кровавого мяса и раскрошенных костей.

Голубев растеряно огляделся. Никто не спал – с каждой кровати свешивалось по любопытной голове. Сбоку сосредоточенно блевал Трохин. Отблевавшись, он бросил на Голубева жалобный взгляд и откинулся на подушку.

«Эх, Троха, – совершенно не к месту подумал Голубев. – Я думал, у тебя нервишки покрепче будут».

– Голубь, что же это такое, а?

Голубев поднял голову и увидел стоящего над ним Катышева.

– Не знаю, – коротко ответил он, пожал плечами и тут же чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Тело Морина начало дёргаться.

Голубеву понадобилось несколько секунд, чтобы подавить испуг и перевести дух. «Так ведь и ласты от страха склеить можно», – сумрачно подумал он.

Тело Морина судорожно извивалось на полу: голова моталась из стороны в сторону, руки елозили по полу, оставляя на нем густые кровавые полосы, ноги дергались, как лапы у препарированной лягушки.

– Нужно держать его, – раздался чей-то неуверенный хриплый голос. Но никто не строился с места.

Голубев почувствовал, что его начинает мутить не хуже чем Трохина, но тут ему показалось, что Морин пытается что-то сказать. Преодолевая неуместное отвращение, он снова склонился над Мориним. Губы того шевелились, повторяя одно и то же, но ни звука не срывалось с них. Голубев попытался разобрать, что же шепчет Морин, и единственная догадка несколько не привела его в восторг.

Морин последний раз дернулся, тело его выгнулось, потом вытянулось и ослабло, губы в последний раз прошептали неслышно, и он замер окончательно.

– Всё. Готов, – раздался за спиной Голубева голос незаметно подошедшего Москалёва.

Голубев поднялся. В его голове вертелось только одно слово. То, которое, как ему показалось, пытался сказать Морин.

Слово это было – «смерть».

11

Весь караул, кроме часовых, стоящих на постах, собрался в спальном помещении. Лейтенант Воронин оглядел этих ребят, которым еще нет и двадцати, и подумал о том, что многие из них в первый раз увидели смерть. Да еще и в таком неприглядном виде.

Морина положили на койку, скрестив изуродованные руки на груди. Сама его поза, застывшие на лице мука и боль, все это служило немым укором окружившим тело солдатам. Но, как ни странно, не это сейчас волновало Воронина, задумчиво теребящего пуговицу на рукаве собственного кителя. «Всё это очень странно», – думал он. Его глаза то и дело скашивались в сторону стены, возле которой нашли Морина. Вмятая ударами и окрашенная кровью штукатурка удивительно напоминала изображение оскаленного черепа. Довольно оригинальный способ рисования на стенах выбрал Морин. И ещё одно обстоятельство немного смущало лейтенанта – Трохин, главный свидетель происшедшего, сбивчиво лепетал, что ему показалось, будто это не Морин сам бил, а кто-то двигал его руками. Но это же вообще бред какой-то несусветный! Так не бывает! Ну, может и бывает где-нибудь в книгах, да по телевизору. Гипноз там всякий и всё остальное прочее. Но откуда здесь-то взяться этому проклятому гипнозу?!

Воронин почувствовал, что мозги начинают потихоньку закипать, и планка над ними медленно сдвигается. ЧП в карауле, а он думает о какой-то бредятине!

Оглядевшись, он увидел вытирающего полы Трохина, о чём-то переговаривающихся вполголоса Голубева с Катышевым, Осокин сидел и о чем-то думал, и вообще, все занимались какими-то своими делами. Пора бы и ему сделать что-нибудь толковое. Например, выйти по рации в полк и сообщить о случившемся. Но как, как, черт возьми, он сможет объяснить эту нелепую смерть?! Головомойка будет страшная, и не видать ему повышения, как своих ушей.

Но сообщить нужно. Рано или поздно это всё равно придётся сделать. Так лучше сделать сразу, чтобы потом хоть этой проблемой не забивать себе голову.

– Голубев!

Голубев повернулся с вопросом, написанном на лице.

Что сказать?

– Голубев, распорядись, чтобы отнесли тело в ледник. Катера придут ещё не скоро. И вообще – чтоб был порядок.

– Хорошо, товарищ лейтенант.

Голубев окинул взглядом комнату.

– Латышев, Снег, давайте.

Латышев поднялся с табуретки и медленно, словно остерегаясь чего-то, подошел к койке, на которой лежал Морин. Снегов проворчал что-то себе под нос, но тоже поднялся.

– Ладно, – неизвестно кому сказал Воронин и вышел из комнаты.

Радиостанция стояла в комнате начальника, включенная на половину громкости. Какой-то «беркут» вызывал какую-то «смолу». Надо подождать, пока эфир не смолкнет.

Холодно.

Воронин посмотрел в окно. По реке огромными пластами медленно плыл лёд – река внезапно пошла. Ещё день, полтора, и катера уже смогут пробиться к ним на остров.

Да не такой гарнизонки ждал он.

Мимо окна в сторону ледника прошли Снегов и Латышев, неся тело Морина. Все-таки холодно, надо включить обогреватель. Воронин рассеяно взял штепсель обогревателя, совер-

шенно забыв о плохой изоляции, и не заметив, что изолента у перегиба шнура почему-то размоталась.

Удар тока швырнул его сначала на стол, и уже вместе с радиостанцией, дергаясь под ударами тока, он свалился на пол, выдернув штепсель из розетки.

Однако это уже ничего не меняло.

В комнате начальника запахло горелой изоляцией, а сам начальник лежал, скрючившись, на треснувшей радиостанции, уставившись невидящими глазами в пожелтевший потолок.

12

Латышев шел сзади, держа Морина за ноги. Перед ледником они со Снеговым остановились и положили тело прямо на землю. Снегов открыл дверь, потом достал сигарету и закурил.

– Взялись, – сказал он Латышеву.

Тот послушно обхватил руками ноги Морина. «Ну и тяжёлый», – подумал он.

В леднике царил холодный полумрак. Свет сюда попадал только через открытую дверь. Они осторожно спустились по скользким от влаги ступенькам и остановились.

– Давай туда, – кивнул Снегов на дальнюю стенку.

Положив тело, они вылезли из ледника и закрыли за собой дверь. Словно провели осязаемую черту между живыми и мёртвыми.

Солнце уже висело над самым горизонтом, и с реки начал дуть прохладный ветерок. У Латышева возникло непреодолимое желание полной грудью вдохнуть этот ветер. «Как в последний раз», – почему-то подумал он и тут же спохватился: «Сплюнь, дурак».

А вообще, как хорошо!

А в леднике труп.

Господи, так не долго дожждаться, как крыша поедет.

– Вот так, – услышал он голос Снегова за своей спиной.

«Да, вот так», – эхом подумалось Латышеву.

– Пойдём, – сказал Снегов, выбрасывая окурки.

Зайдя в караул, они сразу почувствовали кислотоватый запах горелой изоляции. У обоих возник один и тот же вопрос, но задать его они не успели.

Начальник лежал на полу в общей комнате. Возвышаясь над ним, весь какой-то сторбленый, на скамье сидел, жуя папиросу, помощник. Стоящий рядом с ним Голубев посмотрел на вошедших отсутствующим взглядом и пожал плечами.

Помощник поднял голову.

– Положили?

Латышев кивнул головой, а Снегов ответил:

– Да, старшина.

Помощник криво усмехнулся.

– Придется вам, мужики, ещё раз сходить, – скрипнув зубами, он с ожесточением ткнул в ничем неповинную скамейку папиросой и матерно выругался.

Берясь за ноги начальника, Латышев подумал: «Уже второй».

13

Ужинали в полном молчании. Шарапов сидел в комнате начальника и опять курил. Две смерти в течение одного часа. Одна до ужаса странная, вторая до боли нелепая. Шарапов покопался на разбитую радиостанцию. Теперь их будут вызывать и, не получив ответа, забеспокоятся. Но не сильно. Хотя с катерами теперь не будут тянуть – это точно.

Шарапов затушил папиросу и закурил новую. Да, такого ЧП в бригаде, наверное, сроду не было. И ведь будут списывать на него, а при чём здесь он? Шарапов вздохнул. Что думать о себе? Каково сейчас вон тем пацанам, что сидят за столом и сосредоточенно стучат ложками, пытаясь делать вид, что ничего страшного на самом деле не произошло?

Шарапов вспомнил, как он сам служил срочную. Давненько это было. Условия у ребятишек теперь, конечно, получше будут, но зато и нагрузка побольше. Кто-то там косит на гражданке, а они, те, кто пошёл служить, тащат всё это и за себя и, как говорится, за того парня. Причём у каждого из них в душе сидит червячок и шепчет: почему они здесь, а кто-то нет? Такого в его время не было, так что ещё неизвестно, кому лучше – им сейчас или ему тогда. Времена меняются, люди те же, но вот их ценности тоже меняются со временем.

И вообще, что он думает об этом, когда у него, можно сказать на руках, теперь тринадцать человек. Надо думать о том, чтобы не было больше никаких ЧП, и чтобы все тринадцать вернулись с гарнизонки в роту. Мысли, как на войне.

«Тринадцать, – подумал Шарапов, – Не совсем счастливое число. Да плюс два трупа в леднике».

– Старшина, пора вести смену.

Шарапов обернулся на голос Голубева. «Парень спокоен. Молодец», – подумал Шарапов, выходя из комнаты начальника.

– Караул, строиться.

Ребята встали, образовав подобие шеренги.

– Так, – начал Шарапов, – Я думаю, что особо ничего объяснять никому не нужно. Значит сразу переходим к делу. Седьмой пост становится двухсменным, так что, Катышев, сейчас заступаешь ты.

Катышев зачем-то усмехнулся и кивнул головой.

– Четвёртый пост – Осокин, пятый – Латышев, шестой – Снегов. Одеваться, вооружаться. Голубев, останешься в карауле, я сам поведу смену.

– Хорошо, – старшина, – кивнул Голубев и буркнул остальным:

– Давайте быстрее, уже десять минут одиннадцатого.

Смена оделась, после чего Голубев выдал всем автоматы.

Шарапов взял свой, оглядел всех и сказал:

– Смена, на выход, – и сам пошёл первым.

Открыв дверь, он ощутил прохладное дыхание реки.

«Забыли включить свет на периметре», – подумал он, переступая порог.

Раздался сухой треск подломившейся доски ступени. Правая нога Шарапова неестественно подвернулась в ступне. Падая, он успел чертыхнуться. Навстречу виску с угрожающей скоростью надвигалась дверная скоба.

В голове Шарапова на мгновение взорвалось маленькое солнце и тут же погасло.

Навсегда.

14

В первый раз Смирнов поужинал вместе со всеми в общей комнате. Ему даже не пришлось в голову есть у себя на кухне. Слишком сильная встряска: сначала Морин, потом начальник. Неужели так бывает?

«Бывает. Произошло ведь», – успокоил себя Смирнов.

Когда все поели, он позвал Трохина.

– Троха, по-быстрому собери посуду, со стола вытри. В общем, сам знаешь.

Тот кивнул.

– Давай, Троха, – напутственно хлопнул он его по плечу и пошёл на кухню.

На плите выкипала литровая кружка с водой для чая. Поспешно снимая ее, он обжёт руку.
– Чёрт! – выругался Смирнов, потом, поглядев на кружку, растеряно подумал: «Ну вот, готовил для начальника, а начальника больше нет. Что ж, бывает и так».

Сунув обожженную руку в кастрюлю с холодной водой, Смирнов подумал, что неплохо бы начать готовить суп на завтрак. Вздохнув, он набрал полную двадцатку воды и поставил ее на плиту. Потом пододвинул на середину кухни маленькую кастрюльку с водой, поставил рядом табуретку и полез в нижний шкафчик за мешком с картошкой.

Картошка, как всегда, была наполовину гнилой. Откуда её берут такую, Смирнов пытался понять чуть ли не с первых дней службы в армии. В поварской учебке, куда его направили с КМБ, их не раз посылали на склад перебирать капусту, картошку и тому подобные фрукты-овощи. Так вот, на самом деле там и перебирать-то было нечего – всё наивысшего сорта. Поэтому загадка о том, откуда во всех армейских столовых берется такая гниль, до сих пор была для Смирнова неразрешима.

Ещё раз, чисто по инерции, подумав об этом, Смирнов вздохнул для порядку и сел на табуретку. Вытерев об штаны нож, он стал чистить картошку, ковыряясь в мешке в поисках более или менее целых клубней.

Начистив полкастрюли, он отложил в сторону нож и вытер о тряпку грязные руки. Сигареты лежали в кителе, висящем на крючке. Достав и закурив одну, Смирнов снова уселся на табуретку.

Из караула доносилось позвякивание. «Вооружаются на смену», – механически отметил про себя Смирнов и снова взял в руки нож.

В этот самый момент он понял, что что-то идёт не так. Рука сама сжала рукоятку ножа с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Смирнов широко раскрыл от изумления глаза. Сигарета выпала из разжавшихся губ и коротко пшикнула в кастрюле счищенной картошкой.

Острие ножа смотрело точно в живот.

Рука сделала быстрый рывок, Смирнов глухо ойкнул, и с лезвия ножа в кастрюлю, рядом с плавающей сигаретой, упали тёмно-красные капельки крови.

15

Ноги Шарапова лежали за порогом, а голова покоилась в коридоре. Роковой удар о дужку щекотки затормозил падение и отбросил верхнюю часть туловища назад. Увидев тонкую струйку крови, текущую из небольшой в, общем-то, раны на виске, и уже образовавшую маленькую лужицу на полу, Катышев вдруг не выдержал и заорал:

– Что это?!? Что это, я хочу знать?!?

Продолжение этого вопля было настолько нецензурным, что Латышев невольно поморщился.

Осокин не стал морщиться. Он развернулся и со всей силы съездил Катышеву по зубам.

– Заткнись, – процедил он.

Катышев прижал ладонь к окровавленным губам и молча отошел в сторону. И тут же, словно из ниоткуда, возник Голубев и склонился над телом помощника. Нашупал на руке вену и замер.

– Пульса нет... Всё, – сказал он по окончании томительно долгой минуты молчания и встал.

Где-то в углу судорожно дышал Катышев.

– Мужик ты или баба? – услышал Голубев спокойный вопрос Осокина, обращенный к Катышеву, после которого последовало не менее спокойное продолжение:

– А ну вали отсюда, а не то будешь лежать рядышком.

Катышев ещё раз судорожно вдохнул, пробормотал что-то и побрёл в сторону спального.

Осокин повернулся к Голубеву.

– Честное слово, я не знаю, что всё это значит, и как нам быть, но теперь... Ты командир.

От этих слов Голубев слегка растерялся. Действительно, теперь он за старшего, и ему решать не только за себя, но и за всех остальных.

В горле сразу пересохло.

Голубев сел на лавку и слегка охрипшим голосом подозвал Трохина.

– Троха, принеси чаю.

Трохин молча кивнул и пошел на кухню. Буквально через полминуты он вернулся весь бледный и, заикаясь, пробормотал:

– Там Смирнов...

– Что Смирнов?! – взвизгнул на него появившийся откуда-то Катышев.

– Заткнись! – заорал на него в ответ Голубев, потом повернулся к Трохину.

– Что случилось, Троха?

Тот, уже спокойнее, объяснил:

– У Смирнова нож в животе.

– Чёрт, – глухо простонал Голубев.

– Ещё один, – констатировал Осокин.

Остальные молчали.

«Что же это такое?!» – подумал Голубев. Он словно затормозился – в голове не было ни одной толковой мысли. Его взгляд, блуждающий по комнате, наткнулся на Конева. Тот пожал плечами:

– Надо выносить.

«Да, надо выносить», – тупо повторил про себя Голубев.

Он встал и, пытаясь придать голосу как можно больше твёрдости, сказал:

– Трохин, Латышев, несите Смирнова. Снег, ты с Москалёвым – выносите старшину.

Снегов опять пробурчал что-то, но встал с табуретки.

В этот момент Голубев услышал, такой знакомый ему, звук передёргиваемого затвора.

Из спального вышел Катышев с автоматом в руках. Глаза его бегали полубезумно, палец лежал на спусковом крючке.

– Я ухожу, – хрипло сказал он.

Услышав шорох, он повел стволом автомата.

– Не дергайтесь, мужики. Я спокойно уйду. Вы мне и на хрен все не нужны. Можете оставаться здесь и передохнуть, как мухи. А я уйду и буду в шоколаде, – он хихикнул. – Если не будете дёргаться и мне мешать, – резко нахмурившись, он вперил злой взгляд в Осокина, – Особенно ты, понял?

Направив ствол автомата в грудь Осокину, он на высокой ноте крикнул:

– Понял?!!

– Понял, – буркнул Осокин.

Голубев вдруг заметил, как дрожат руки у Катышева. «Чуть дёрнет спуск, и здесь будет мясо», – мрачно, но в то же время как-то спокойно подумал он.

– Уходи, – сказал он Катышеву. – Ты здесь тоже никому не нужен. Вали.

Срез ствола дернулся в его сторону.

– А ты, Голубь, не хами. Ишь, начальник нашёлся. Уйду и без твоих стонов.

– Вали, – глухо повторил Голубев.

Он увидел, что Москалёв тянется к автомату, который кто-то из собравшейся уходить смены бросил на скамейку. «Не надо, – пронеслось в голове. – Пусть уходит...»

Москалёв все-таки дотянулся до автомата, но взять его не успел. Катышев плавно, по кошачьи развернулся и... Короткая очередь, раздавшаяся в небольшом замкнутом про-

странстве долбанула по барабанным перепонкам. Москалёв согнулся пополам, закрыв руками живот. Колени его подломились, и, так и не издав ни звука, он ткнулся головой в пол.

– Я же просил не дёргаться! – взвизгнул Катышев. Руки его дрожали ещё сильнее.

Голубев тупо смотрел на лежащего неподвижно Москалёва. В голове носилось: «Я же просил – не надо. Я же просил...»

Одиночный выстрел разбил сгустившуюся было тишину.

Голубев вскинул голову. Кто?

Смешанные с кровью мозги Катышева забрызгали стену. Правой стороны его лица теперь просто не существовало. Ещё пару мгновений он стоял на ногах. Так и не выпустив из уже мёртвых рук автомата, он, не сгибаясь, словно деревянный, рухнул на пол.

Взгляд Голубева растеряно метнулся по комнате.

Трохин осторожно положил автомат на стол и пошёл на кухню.

Голубев хотел окликнуть его, но передумал: в движениях Трохина была завораживающая целеустремленность.

И тут раздался хохот.

16

– Трохин, Латышев, несите Смирнова, – сказал Голубев.

Трохин поднялся, но, сделав несколько шагов, услышал голос Катышева:

– Я ухожу.

Трохин обернулся и увидел, что Катышев держит в руках автомат. «Что же происходит? Почему это происходит?» – с отчаянием подумал Трохин.

Первые месяцы службы с постоянным дрочевом он считал самым диким и нереальным временем своей жизни. Но то, что происходило сейчас, было ещё более диким и нереальным. «Такого просто не может быть!!!» – кричало сознание, однако обстановка утверждала обратное.

С того момента, как раздалась автоматная очередь, сознание Трохина застлал тёплый и влажный туман. В голове билась только одна мысль: «Это надо остановить». Сейчас угроза исходила явно от Катышева. Значит, именно Катышева и надо остановить.

Рядом с Трохиным лежал автомат. Он осторожно, стараясь не издать ни малейшего шума, взял его. С ещё большими предосторожностями снял предохранитель и передёрнул затвор, плавно сопровождая затворную раму, чтобы щелчок был как можно тише.

Катышев повернулся к нему боком, и Трохин понял, что если будет медлить, станет поздно. Совсем поздно. Ствол смотрел в сторону Катышева, и Трохин без лишних хитростей нажал на спусковой крючок. Выстрел получился одиночным. На нервяке он не заметил, как опустил предохранитель до нижнего положения.

Пуля попала Катышеву в левую щеку, снеся при выходе правую половину лица. «Странно, – подумал Трохин, глядя на изуродованную голову Катышева, – мне даже не противно». Ни страха, ни чувства вины за содеянное он не испытывал. Зато из подсознания снова всплыло: «Это надо остановить...»

Теперь угрозой стал он сам.

Вот так, с положительными мыслями, Трохин тихо сошел с ума.

Аккуратно положив автомат на стол, он пошел на кухню. В голове у него имелся чёткий план дальнейших действий.

Под дикий хохот, появившийся внезапно и идущий неизвестно откуда, Трохин прошел на кухню. Понимающе посмотрев на тело Смирнова, он снял брючный ремень и сделал две петли. Закинул ремень на крюк для лампы – единственный во всем карауле – он затянул одну петлю и сунул голову во вторую. Ещё раз поглядев на тело Смирнова, он улыбнулся ему

и оттолкнул из-под себя табуретку. Ноги его несколько раз дернулись, руки взметнулись было, но тут же безжизненно повисли.

Хохот стал громче.

17

Непонятно откуда взявшийся идиотский хохот ударил по напряженным до боли нервам. Удивляться чему-либо уже не было смысла. Единственное, что Осокин понял – ещё немного, и он сорвётся. Всю свою недолгую в общем-то сознательную жизнь он следовал важному принципу – всегда держать марку. И он её держал. Но сейчас наступил момент, когда уверенность в себе и своих силах куда-то пропала. Ничего хуже придумать было нельзя.

«А Троха – молодец, не растерялся», – внезапно подумал Осокин и чуть не рассмеялся – в первый раз он хорошо и уважительно, пусть даже мысленно, отозвался о духе. Действительно смешно. Ведь с тех пор, как пришёл следующий после его призыва призыв, Осокин старался держаться как можно круче и просто не позволял себе хорошо относиться к духам. После всего того, что по духанству испытал он – жалеть кого-то?

И вот один из его принципов уже сломался. Сам по себе. Плохой симптом, что и говорить.

А хохот продолжал бить по ушам.

Минут через пять после того, как Трохин ушел на кухню, он стал громче.

Осокину захотелось закрыть руками уши, но он не мог позволить себе такую роскошь. По крайней мере при других. Потому что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя показывать свою слабость. А сейчас Осокин как раз чувствовал себя слабым и беспомощным, прямо как дух перед сборищем дедов.

Осокин почувствовал, как в нем поднимается и начинает закипать злость. Злость на самого себя, армию, караул и на то, что заставило его себя так паршиво чувствовать.

Оставалось только найти причину.

Осокин огляделся. В его глазах сверкала ненадуманная ярость. Неожиданно он увидел через открытую дверь в спальное необычным способом нарисованный Моринным оскаленный череп. Вспомнил, как стоял у ямы, которую они копали под новый сортир, глядя на эту...

В голове начала складываться цельная картина. Как бы по идиотски это все не выглядело. Осокин понял, откуда на них обрушилось это безумие. И теперь, как только появилась конкретная цель, вернулась уверенность в своих силах.

Осокин молча встал и взял автомат.

Поймав настороженный взгляд Голубева, он грубо бросил:

– Не пишите в штаны, детки. Я пока ещё в норме.

Передёрнув затвор, он всё-таки решил пояснить, так, на всякий случай, а то вдруг объявится ещё один герой-Трохин.

– Кажется мне ясно, из-за чего весь этот бардак.

Ребята по прежнему смотрели недоверчиво. Конев даже потянулся за автоматом. Но Осокину было на это глубоко наплевать. Сейчас он разделается с этой тварью, и тогда все поймут, что он прав.

Он подошел к комнате начальника. Точно, Маска лежала там же, куда её положил Морин – на краю стола, наполовину прикрытая брошенной кем-то газетой.

Снова ударил по глазам злобный оскал.

Осокин оскалился в ответ, вскинул к плечу автомат и прицелился. С такого расстояния он ни за что не промахнется. Уж будьте уверены.

Осокин нажал на спусковой крючок.

Раздался одиночный выстрел. Пуля срикошетила от камня из которого была сделана Маска и ударила в стену. Осокин чертыхнулся – предохранитель с автоматического упал

на одиночный. Ох уж эти раздолбанные автоматы, передающиеся по наследству! Переводя предохранитель, он с дикой радостью отметил, что хохот оборвался, уступив место гневному рычанию.

– Не нравится, падла? – прохрипел он, прицеливаясь снова.

Две короткие очереди заглушили рычание.

«Что за ерунда?» – пронеслось в голове у Осокина. Ни одна пуля не попала в цель. Скосив глаза вниз, он увидел четыре дымящиеся дырки в деревянных досках пола. Получалось, что какая-то сила остановила пули прямо в воздухе, да так, что те расплавились.

Осокин почувствовал, что опять начинает теряться. Теперь первоначально составленный план уже не казался ему таким легковыполнимым. Приступ растерянности длился недолго. «Ну нет! Хрен ты угадала!» – со злостью подумал Осокин и дал длинную.

Все оставшиеся патроны вылетели за четыре очереди. Маска даже не шелохнулась. Расплавленными каплями пули падали вниз, так и не достигнув цели, которой они предназначались. Лишь одна пуля избежала общей участи. Наткнувшись на невидимую преграду, она срикошетила от неё, разворачиваясь на 180 градусов.

Осокин всё ещё жал на спусковой крючок, когда эта последняя пуля, пройдя мимо ребер сквозь мягкие мышечные ткани, разорвала ему сердце.

18

Смена задерживалась уже на полчаса. Такого ещё ни разу не было. Ну, минут на десять, такое изредка случалось. Но на полчаса – это уже ни в какие ворота не лезет!

Да и свет на периметре почему-то не включают. И по портативной рации вызываешь караул, вызываешь – бесполезно.

Да черт с ним со всем этим! Лишь бы сменили быстрее.

Михаленко зябко поежился. Уже не то, что прохладно, а совсем холодно. Надо же было дураку догадаться оставить шинель в карауле! Жара днём, до смены не замерзну! С другой стороны, кто же знал, что эти тормоза на столько задержат смену.

Надо что-то делать. Но что ты сделаешь? «Хоть волком вой», – невесело усмехнулся Михаленко. Пятьдесят отжиманий от перекладины вышки согрели буквально на пару минут. Еще немного, и он превратится в такую большую-большую сосульку. Подобная перспектива Михаленко нисколько не радовала.

– Ну где же они? – спросил сам у себя Михаленко, подпрыгивая на одной ноге, чтобы согреться.

«И вообще, когда они там свет на периметре собираются включать? Совсем они там умерли, что ли?» – подумал он, доставая часы и пытаясь разглядеть минутную стрелку. С большим трудом ему это удалось. Без пятнадцати одиннадцать.

Возмущению, закипевшему в душе Михаленко, не было границ.

Он в очередной раз попытался вызвать по рации караул, и в очередной раз послушал в ответ треск атмосферных помех. Другие посты время от времени пытались сделать то же самое. С тем же результатом. Следовательно, его рация в полном порядке. Зато то же самое минут через десять нельзя будет сказать о нем самом.

«Правда они там все что ли подошли?» – снова мрачно подумал Михаленко. Более оригинальных версий почему-то не рождалось.

Попрыгав ещё немного, Михаленко наконец решился: слез с вышки и побежал к соседнему четвёртому посту.

Виталин исполнял какой-то хитроумный танец.

– Что, взмёрз, маугли? – поинтересовался Михаленко, залезая к нему на вышку.

– Можно подумать – ты вспотел, – стуча зубами, ответил Виталин.

– А как же, – усмехнулся Михаленко, – у меня же вышка-то с подогревом.

– А-а-а, – протянул Виталин, – ну тады – ой.

С минуту они помолчали.

– Ну что будем делать? – нарушил молчание Михаленко. – Уже на час задерживают.

– А чёрт его знает, что делать, – проворчал Виталин. – Может, пойти в караул и там спросить? – добавил он с сарказмом.

– И получить за это по башке, – ответил Михаленко. – Надо было тогда каску захватить.

– Да, без каски хреново, – покачал головой Виталин, – башка может не выдержать.

Они ещё немного помолчали.

– Не, кроме шуток, что делать-то? – снова нарушил молчание Михаленко. – По рации они не отзываются, свет на периметре не включили, смены нет. Может, у них случилось что?

– Может и так, – пожал плечами Виталин. – Ты устав читал? Стой, пока не снимут.

– Кому он нужен, твой устав, – махнул рукой Михаленко, а сам подумал, что Виталин очень даже прав – за самовольный уход с поста выволочка будет капитальная.

И тут они услышали выстрелы со стороны караула. Сначала короткая очередь, потом, секунд через пять – одиночный.

Оба переглянулись. Видно, в карауле действительно творится что-то неладное. Минут пять они прислушивались. Тишина.

– И что это было? – поинтересовался Виталин.

– Не тебе одному хочется это знать, – пробурчал в ответ Михаленко, прекрасно понимая, что Виталин спросил просто так, чтобы не молчать.

– Может... – начал было Виталин, но тут же умолк.

Со стороны караула раздался одиночный выстрел, после чего началась бешенная пальба. Длилась она недолго, но патронов было выпущено не меньше тридцати.

– Ну и хренотень, – только и смог сказать Виталин.

Немного погодя, он добавил:

– Придётся идти.

Михаленко промолчал. А что тут ещё можно сказать? Идти теперь действительно придётся. Лучше ничего не придумаешь.

– Всем соваться нечего, – размышлял вслух Виталин. – Я схожу один.

Михаленко хотел было возразить, но передумал.

– Хорошо, – сказал он. – Если тебя не будет через пятнадцать минут – я собираю всех, и мы валим за тобой.

Виталин подумал немного и согласно кивнул.

– Иди к себе и жди. А там посмотрим, – сказал он.

Ребята спустились с вышки.

«Как в кино», – думал Михаленко, шагая в сторону своего поста. Однако всё происходило на самом деле.

19

Трупы сложили в спальном.

Теперь их осталось только четверо. Да еще четверо на постах. Итого – восемь. И мертвецов – восемь. По крайней мере, в количестве они сравнялись.

Латышев вытер испачканные в крови руки о штаны, оставляя на зелёной материи жирные багровые разводы. Да и чёрт с ними, со штанами – неизвестно ещё сколько осталось их носить.

«Вполне возможно, что я буду следующим», – как-то отстранённо и совершенно спокойно подумал Латышев. Нервная восприимчивость ко всему происходящему притупилась окончательно. Как будто так было всегда.

«Посты!» – снова вспомнил Латышев. Смену же так и не сделали. Только какая сейчас к черту может быть смена, когда творится такое, что никак не мог предусмотреть ни один дядя с большими звездами на погонах.

– Миша, – окликнул он Голубева, впервые за свою ещё недолгую службу обратившись к сержанту по имени.

Тот вопросительно кивнул головой.

– Там же ребята на постах стоят. Они ведь и не знают ещё ничего.

Голубев потер ладонью подбородок.

– Они наверняка слышали стрельбу, так что ещё намного, и они будут здесь.

– Вы мне лучше скажите: какого чёрта мы вообще тут сидим? – вклинился в разговор Конев. – Надо дергать отсюда.

– И побыстрее, – поддержал его Снегов. – Неизвестно, кто может стать следующим.

Сказав это, он встал и пошёл к двери.

– Ты что, прямо так и пойдешь? – поинтересовался Голубев.

– А что нам здесь нужно? – вопросом на вопрос ответил Снегов. – Если ты за имущество, – он специально исковеркал слово, – переживаешь, то ничего с ним здесь не случится – это уж точно. Придут катера, пусть тогда начальство все и расхлёбывает. А нам что? Мы люди не особо большие.

«Неправда», – захотелось сказать Латышеву. Он вдруг почувствовал свою значимость.

В это время Снегов уже собирался открывать входную дверь.

– Подожди, – сказал ему Голубев. – Надо хоть шинели взять.

– Пусть вон Латышев возьмет, – ответил Снегов и толкнул рукой дверь.

Она не поддалась.

Чертыхнувшись, Снегов пнул её ногой. После третьего пинка он с размаха толкнул её плечом. Дверь стояла незыблемо, словно была каменной, а не деревянной.

И снова раздался умолкнувший было на время хохот.

– Заткнись, мать твою, – заорал в потолок Снегов, но то, что издавало эти издевательские звуки, его явно не хотело слушать.

– Попытались, – подытожил Снегов, как-то сразу успокоившись и перестав мучить дверь.

Латышев кинул на пол кучу шинелей, которые уже снял с вешалки, и уселся на них, обхватив голову руками.

– Влипли наглухо, – нервно усмехнулся Конев.

– Латышев, принеси-ка водички, – устало сказал Голубев.

– И желательнее – побольше, – добавил Снегов. Он стоял, прислонившись спиной к неподатливой двери и нервно курил сигарету.

Латышев поднялся с кучи шинелей и пошел на кухню. Ему самому вдруг ужасно захотелось пить. Набрав литровую кружку воды, он решил сначала попить сам, а потом отнести остальным.

Вода была прохладной и показалась Латышеву необыкновенно вкусной. Он сделал большой глоток, и в этот момент что-то словно толкнуло его в спину. Он закашлялся, но вода, попавшая в дыхательные пути, выходить не хотела. На глазах у Латышева навернулись слезы. Он натужно давился кашлем, но всё без толку. Хватая руками воздух, он упал на колени.

Упав со звоном, и разбрызгивая по сторонам воду, железная кружка покатила по полу.

20

Виталин шёл, держа автомат в руках стволом вперёд. На всякий случай, как говорится.

Свет в карауле горел, это было видно издали. «Что там у них могло случиться?» – гадал Виталин, но ничего толкового придумать не мог.

В карауле-то свет был, но зато в караульном дворике его не было так же, как и на периметре.

Виталин осторожно пересёк двор, стараясь постоянно держаться в тени, и подошел к окну комнаты начальника. Заглянув внутрь, он не увидел ничего интересного. Прислушался – тишина.

Виталин поёжился – по спине забегали противные мурашки. Он всем своим нутром чувствовал, что что-то не так. Но вот что именно?

Подойдя к двери, он снова прислушался. Кажется, кто-то разговаривал. Свои или нет? Ведь неспроста же была стрельба. О том, что и свои иногда могут оказаться чужими, он как-то не подумал.

Постояв с минуту в нерешительности, он всё же надумал зайти внутрь. Как говорится, будь, что будет.

Дверь открылась бесшумно. «Недавно смазывали петли», – вспомнил Виталин. Потом, так же осторожно, как открывал, он её и закрыл.

Тихий приглушенный разговор доносился из общей комнаты. Виталин узнал голоса Голубева, Конева и ещё, кажется, Снегова. Где же тогда остальные?

Со стороны кухни раздался звон, а вслед за ним глухой стук, как будто что-то тяжёлое и мягкое упало на пол.

– Латышев! – услышал Виталин окрик Голубева.

В ответ не донеслось ни звука.

Скрипнула скамейка, и послышались удаляющиеся в сторону кухни шаги.

– Чёрт! – донеслось оттуда через несколько секунд.

– Что там? – спросил Голубев.

– Хана, – донесся короткий ответ Конева.

Виталин не совсем понял, что значит «хана», однако решил, что уже пора выходить.

Едва переступив порог общей комнаты, он понял, что в карауле и правда что-то не так. Окидывая взглядом комнату, он почувствовал, как, словно наэлектризованные, начинают шевелиться и вставать дыбом волосы на затылке, а всё тело медленно, но верно покрывается гусиной кожей.

Кровь.

На полу, на стенах, даже на потолке – везде следы крови.

Взгляд его напоролся на Голубева. Тот смотрел на него изумлённо и недоверчиво. Глянув на Снегова, Виталин отметил, что тот смотрит на него так же.

Снегов и Голубев переглянулись.

– Ведь она же была закрыта, – сказал Снегов с растерянно-оправдывающимися интонациями, причем он обращался только к Голубеву, не обращая больше никакого внимания на Виталина. Того это немного задело.

– Что за ерунда тут у вас.. – начал было он, но по выражению лиц понял, что его не слушают.

Снегов встал со скамейки и, пройдя мимо него, толкнул входную дверь. Она не поддалась.

– Ну-ка, открой её, – это были первые слова, обращённые к совершенно обалдевшему и растерянному Виталину.

– Зачем? Что я вам...

Снегов резко перебил его:

– Открой. Не компостируй мозги.

Виталин обижено замолчал и подошёл к двери. Толкнул – не открывается. Удивлённо посмотрев на Снегова, он толкнул её ещё раз. Бесполезно. Он уже хотел двинуть её плечом, но Снегов жестом остановил его.

– Ладно, хорош. Это без толку. Пойдём, – и сам пошёл в общую. Виталин последовал за ним, удивлённо оглядываясь через плечо на дверь. Ведь он же только что открывал её!

– Всё понятно, – сказал Снегов Голубеву. – Сюда – заходи, кто хочешь, а отсюда – хрен на палке.

Голубев молча кивнул головой.

«У кого из нас поехала крыша – у меня или у них?» – подумал Виталин.

В этот момент в коридоре со стороны кухни показался Конев. Точнее, его согнутая спина. Он что-то волочил по полу. Взглянув, Виталин с ужасом понял, что этим «чем-то» был Латышев. Конев тащил его, схватив за подмышки, волоча по полу ноги. Голова Латышева безжизненно болталась. Остекленевшие глаза были выпучены.

Виталин обречённо подумал, что если до сих пор крыша у него не поехала, то сейчас поедет точно.

Конев протащил Латышева в спальное.

– Что тут у вас такое? – срывающимся голосом спросил Виталин у Снегова.

Тот кивнул в сторону спального.

– Зайди, увидишь.

Виталин зашёл.

Конев как раз укладывал тело Латышева на одну из коек. Остальные уже лежали. От вида этих тел и густого запаха смерти, стоящего в комнате, хотя может так просто казалось, Виталину стало плохо. Шатаясь, он вышел из спального и бессильно сел на корточки у косяка.

– Ну что, увидел? – поинтересовался Снегов.

Виталин никак не отреагировал. Ему сейчас было не до этого. Когда в голове немного прояснилось, и желудок встал на свое место, он спросил:

– Почему?

Снегов хмыкнул, Голубев пожал плечами, а Конев просто ответил:

– Спросил бы чего полегче, а?

Виталин тупо посмотрел на него, а потом неожиданно, даже для самого себя, заорал:

– Да задолбали вы! Что случилось, мать вашу?!

Кажется, это подействовало.

– А то случилось, что зря ты сюда пришел, – хмуря лоб, мрачно ответил Снегов. – Стоял бы себе на вышке и горя не знал. А здесь тебе останется только ждать какого-нибудь несчастного случая. Несчастного для тебя, естественно. Ну, если тебе очень повезёт, то свихнёшься.

– Свихнёшься... – механически повторил Виталин, глядя на Снегова совершенно тупыми глазами.

– Да, чёрт возьми! – заорал Снегов, но тут же взял себя в руки.

Виталин так практически ничего и не понял, но зато прекрасно чувствовал, что его сердце давно покинуло своё место и переместилось в область дыхательного горла.

– А что с дверью? – вспомнив, спросил он.

– Всё то же самое, – ответил Снегов.

Ответ взбесил Виталина, но он сдержал себя от произнесения вслух резких слов. В конце концов, они были здесь, и чёрт его знает, что они видели и пережили.

Он встал.

– Но ведь должна же быть какая-нибудь причина? – сказал он, не особо надеясь услышать понятный ответ.

Снегов встал со скамейки.

– Пойдем, покажу.

Виталин удивленно посмотрел на него.

Они подошли к комнате начальника караула. Снегов махнул рукой в сторону стола и сказал:

– Только не смотри долго, а то поплошает.

Виталин посмотрел на Маску, и его захлестнула волна ужаса.

– Эй! – раздался прямо над его ухом окрик Снегова.

Виталин медленно выплывал из шокового состояния.

– Ничего, – похлопал его по плечу Снегов. – Так только в первый раз.

Виталин тряхнул головой.

– Так что же делать?

Снегов пожал плечами.

21

Михаленко в который раз посмотрел на часы. Виталина не было уже двадцать три минуты. До этого момента Михаленко еще тянул время, откладывая сбор постов, но сейчас решил, что уже хватит. Сил ждать больше не было. Поправив на плече автомат, он спустился с вышки.

На шестом посту стоял Артемьев. Он без лишних разговоров слез с поста, и уже вдвоём они пошли звать Летягина.

Прогулка по периметру отняла минут пятнадцать. Подходя к четвертому посту, Михаленко замедлил шаг, в глубине души надеясь, что Виталин всё-таки вернулся. Но его не было.

До караула они шли не спеша. Летягин осторожно подошёл к окну общей комнаты.

– Там Голубев, Виталин, Снег и Конев, – сказал он остальным, отойдя от окна.

«Почему он не вернулся?» – подумал Михаленко о Виталине.

Без особых церемоний они зашли в караул.

– Какого хрена?! – заорал с порога Летягин, но увидев везде следы крови, сразу же заткнулся.

«Что здесь было?» – пронеслось в голове у Михаленко.

Что Голубев, что Виталин, оба сидели с отрешёнными выражениями на лицах. Снегов и Конев мало отличались в этом от них.

Летягин, Артемьев и Михаленко озирались ошалело.

Через минуту Голубев встал и с силой отшвырнул в сторону спичечный коробок, который вертел в руках.

– Ну вот все и в сборе, – хрипло сказал он.

В ответ на эти слова из ниоткуда и в то же время отовсюду раздался злорадный смех.

22

Не сразу, но всё-таки ребята въехали в обстановку. Но что толку. Они в ловушке, из которой пока не видно выхода. И нечто, скрывающееся в Маске, похоже не желает оставлять им никаких шансов.

Но ведь должен же быть какой-то выход!

Конев напряженно думал, стараясь отыскать его.

– Что там, на реке? – спросил Голубев.

– Лёд идет, – ответил Артемьев.

– Катер пробьется?

– Да кто ж его знает, но я думаю, в принципе, сможет.

Голубев кивнул.

– Тогда нам нужно всего лишь дотянуть до завтра. По радиации мы не выходим, света на периметре не будет всю ночь – это обязательно заметят. Да и выстрелы на том берегу наверняка хоть кто-нибудь слышал, может, даже в полк сообщат. Так что завтра, если будет возможность, они толкнут сюда катера.

Все молчали, полностью с ним соглашаясь.

– Самое главное – держаться всем вместе. Так у нас будет больше шансов, – продолжал Голубев. – Будем все сидеть здесь – в общей комнате.

– Больше и негде, – вставил Снегов.

– Да, больше и негде, – согласился Голубев. – Так что – это всё, что я могу сказать.

Он развел руками.

– Ну что ж, ждать, так ждать, – подытожил Летягин, усаживаясь поудобнее на полу, Автомат он положил на колени.

Остальные последовали его примеру.

В комнате повисла напряженная тишина. Сначала все прислушивались, ожидая чего-то, но потом усталость от постоянного напряжения взяла своё.

Мысли Конева медленно уходили в прошлое. Он вспомнил дом, родных, друзей. Девчонку, с которой, как ему тогда казалось, всё было очень серьезно и по настоящему, но с которой он разругался в пух и прах за неделю до повестки.

Совершенно незаметно воспоминания перешли в сновидения.

Конев проснулся резко. Что-то разбудило его. Он огляделся. Остальные тоже хлопали веками – видно, дремота сморила всех. И тут Конев увидел, что проснулись не все, и понял, что его разбудило.

Декоративные настенные часы, под которыми сидел Летягин, упали, и один из трех торчащих снизу выступов, острых, слишком острых выступов, вонзился в склоненную во сне шею Летягина.

«И автомат тебе не помог», – как-то некстати подумал Конев.

Первым встал Снегов.

– Хорош, – глухо сказал он. – Не получается через дверь, выйдем через окно.

Теперь встали все.

«И как это никто раньше не додумался?» – досадливо подумал Конев. Но на душе стало полегче. Наконец-то появилась возможность выбраться из этого дурдома.

Снегов, не долго думая, схватил табурет и запустил его в окно. Табурет со звоном прошел сквозь стекло и пропал в темноте улицы. Но осколки не упали на пол, как того следовало ожидать. Они зависли в воздухе, потом закружили на одном месте, образовав искрящийся водоворот.

– Ложись! – крикнул Голубев несколько запоздало.

Осколки со свистом разлетелись по комнате.

Падая, Конев увидел, как один из больших осколков с силой вонзился Снегову в горло. Прижавшись к полу, Конев слушал, как свистят по комнате бешенные кусочки стекла.

Наконец, всё утихло.

Конев осторожно поднял голову. По комнате больше ничего не летало. Так же осторожно, озираясь, приподнялся Виталин.

– Чёрт! Мать твою! – раздался голос Голубева. Он уже сидел, зажимая правой рукой левую, с тыльной стороны которой, чуть ниже локтя, торчал осколок стекла.

Артемьев тяжело с надрывом дышал. Глаза его были закрыты.

Снегов и Михаленко были мертвы. В Снегова попал только один осколок, но он почти отделил голову от туловища. Китель Михаленко был буквально разодран в клочья, а сам он просто нашпигован стеклом.

Виталин встал и схватил автомат. Глаза его страшно блестели.

– Говорите, та каменная хреновина виновата, – прохрипел он, – и пули её не берут, говорите. Ну так мы её попросту – прикладом.

Он решительно направился к комнате начальника.

«Не выйдет, ничего не выйдет», – с отчаянием подумал Конев.

Смертоносное стекло не просто лишило жизни ещё двоих ребят. Конев с отчаянием чувствовал, как уходит от него надежда. Нет, не выкарабкаться им из этого ада. Поэтому, когда Виталин решил разбить Маску, он только смог подумать: «Ничего не выйдет».

И у Виталина действительно ничего не вышло.

23

Виталин уже стоял над Маской.

– Скалишься, сволочь, – прохрипел он и замахнулся автоматом, как дубиной.

Лампочка над его головой вдруг отвалилась от потолка, за ней стал отваливаться провод. С глухим стуком лампочка разбилась об голову Виталина. Он мелко затрясся. Автомат выпал из парализованных током рук.

Маска снова захохотала, торжествуя очередную победу.

«Я же говорил – бесполезно», – подумал Конев, закрывая глаза. А Голубев, скрипя зубами от боли и злости на хохочущее нечто, выдернул из руки осколок. Пульсирующим потоком хлынула кровь.

Конев открыл глаза. Посмотрел сначала на Голубева, потом перевел взгляд на прерывисто дышащего Артемьева. И тут в его голове появилась мысль. Она хоть и не сформировалась окончательно, но благодаря ей отчаяние отступило. Конев скинул с себя китель и стал рвать нательную рубашку на длинные лоскуты. Скрутив тряпичную полосу жгутом, он подошел к Голубеву.

– Зачем? – усмехнулся тот. – Чуть раньше или чуть позже – не всё ли равно?

– Нет, – сухо, но убежденно ответил Конев. – Подумай сам, до этого все, в кого целилась эта тварь, погибали окончательно и бесповоротно. А сейчас, ты хоть и в крови, а всё-таки ещё что-то лопочешь. Да и Артемьев пока дышит, – он закончил перетягивать руку Голубеву и сунул ему в руку вторую полоску ткани. – Перевяжи пока саму рану, а я посмотрю, как там Артемьев.

Даже беглый осмотр показал, что Артемьев родился в рубашке, а то и в бронежилете. В отличие от Михаленко, стекла только порезали кожу во многих местах, и без сознания он был, скорее всего, от болевого шока. На то, чтобы содрать с него китель и хотя бы кое-как перебинтовать, у Конева ушло минут десять. Закончив, он посмотрел на Голубева. Тот уже перемотал себе рану, но продолжал сидеть всё в той же позе, подвернув под себя одну ногу и уставившись в стену напротив.

Конев встал, сделал пару шагов в сторону разбитого окна и остановился, словно упершись в вязкую обволакивающую стену. «Ну никак не хочет отпускать нас, зараза», – со злостью и некоторой долей разочарования подумал он. Неужели все так безысходно? Как можно бороться с трагическими случайностями? И тут: «Клин клином вышибают», – всплыла в памяти поговорка. А следом мысль-образ – «Канистра!» Он даже не стал просчитывать степень риска и последствия – бредовое занятие в их ситуации – а просто направился в сушилку. Там стояла канистра с бензином. Её когда-то на какой-то чёрт притащил кто-то из прапоров. Так она тут и стояла, ожидая, когда кто-нибудь до неё доберётся.

Торопясь, пока хохочущее нечто упивается своей очередной победой и не обращает на них внимания, Конев свинтил крышку с канистры. В ноздри ударил дурманящий запах бензина. Конев плескнул на пол в сушилке – здесь деревянные полы и стены займутся момен-

тально – и повел ручеёк в общую комнату. Щедро поливая все деревянное, он жалел, что бензина так мало.

«А если нам не удастся выбраться?» – мелькнула мысль. Ну и пусть. Шансов подохнуть будет гораздо больше, если оставить все как есть. Хотя от перспективы сгореть заживо неприятно засосало под ложечкой.

Заметив недоумевающий взгляд Голубева, Конев приложил палец к губам. Со стороны это наверняка выглядело по-идиотски, но он действительно боялся, что Маска разгадает план и сорвёт его раньше, чем он начнёт выполняться.

Когда он осторожно поставил на пол пустую канистру и дрожащими руками достал спички, в глазах Голубева появилось понимание. Когда на полу вспыхнуло голубое пламя и побежало, охватывая все, куда попала хоть одна горячая капля, он быстро поднялся и, кивнув на Артемьева, сказал:

– Ну что, взяли?

Комнату начал заполнять едкий дым. На панелях пузырилась краска. Затрещало дерево. Становилось жарко.

Они с двух сторон подхватили под руки Артемьева и потащили его к окну. И точно так же, как и Конев несколько минут назад, уперлись в невидимую стену.

Жара становилась все нестерпимей. Хохот резко оборвался.

– Что, не нравится?! – смеясь, крикнул Голубев в пространство, и сделал рывок вперёд. С огромным трудом им удалось на один шаг придвинуться к заветному окну. Конев весь взмок от напряжения и окружающего жара. Словно вытасченная на берег рыба, он хватал ртом воздух и давился дымом. Голова начала кружиться. До окна оставалось всего два шага. «Мы должны», – подумал Конев, чувствуя, что сознание начинает путаться. Он до крови закусил губу. Боль помогла, но не надолго. Однако за этот момент просветления, он успел дёрнуться вперед, и они продвинулись к окну ещё на один шаг.

А огонь уже разошёлся вовсю. На полушерстяном кителе Голубева начали, шипя, скручиваться волоски. Голубев чувствовал, что теряет последние силы. «Всем вместе нам не выбраться», – спокойно и как-то отстраненно подумал он. Решение созрело внезапно, и он не видел смысла от него отказываться. Когда Маске что-нибудь угрожало, она всегда отвлекалась от остальных.

– Держи крепче, – прохрипел он, надеясь, что Конев поймёт его. Тот действительно понял и, возможно, даже лучше, чем он ожидал.

– Не дури. Осталось немного, – услышал он в ответ.

– Я все-таки сержант, а это приказ. Выбирайтесь.

Он отпустил Артемьева и сделал шаг назад. С него сразу свалилась тонна свинца. Посмотрев в мокрую от пота спину Конева, он почти весело крикнул:

– Не сможешь, с того света достану!

Прикрыв лицо отворотом кителя, он кинулся к комнате начальника.

Конев даже не смог обернуться, чтобы проводить его взглядом. Сделать это означало потратить последние силы. У него и так, как только Голубев отпустил Артемьева, возникло ощущение, что он не столько рвётся вперед, сколько пытается удержаться на отвоеванных позициях.

Внезапно раздалось рычание, и он почувствовал, что сковывающая его хватка ослабла. На то, чтобы положить Артемьева грудью на подоконник, отчего тот застонал, и самому перемахнуть во двор, ему вряд ли потребовалась и секунда. Но как только он стал вытаскивать во двор Артемьева, снова провалился в густое желе. В лицо ему бил свежий воздух с реки, и он жадно вдыхал его, набираясь сил. У Артемьева тем временем начали тлеть брюки. Увидев это, Конев почувствовал, как его захлестнула волна безумного гнева.

– Отвали!!! – заорал он в открытое окно и рванул на себя Артемьева.

Лежа на спине и чувствуя голой спиной прохладные доски караульного дворика, а сверху неизменно тяжелого Артемьева, он засмеялся.

– Теперь не достанешь!!! – снова заорал он и стал подниматься.

Каждый шаг прочь от караула давался легче предыдущего.

Сзади раздался громкий треск – начали рушиться подгоревшие балки перекрытий, а затем началась бешенная пальба. «Патроны!» - догадался Конев.

Они уже отошли достаточно далеко, чтобы не ощущать жара от полыхающего здания, когда, перекрывая рёв пламени, раздался леденящий душу вой. В нём были сразу и боль, и ярость, и тоска.

«Вот теперь всё», – устало подумал Конев, опустив на землю Артемьева и упав рядом с ним.

Вой дошел до высшей точки. У Конева заложило уши.

С грохотом рухнули стены, взметая в небо снопы искр.

Вой оборвался.

24

Конев очнулся. Всё тело ныло. Пахло палёным. Рядом лежал Артемьев, всё так же неровно дыша. Он всё ещё был без сознания.

Сзади догорали остатки караула.

– Вот и закончилось, – пробормотал Конев.

Он почувствовал на лице теплые лучи восходящего солнца. С реки дул прохладный ветерок. Неужели прошедшая ночь была на самом деле? Он посмотрел на лежащего рядом Артемьева, подумал о тех, кто оставался в карауле. Они все были разными эти ребята, но смерть, а за ней и огонь, уравнили всех.

Да, эта ночь была на самом деле.

Но ведь не может же ночь длиться вечно!

Со стороны реки донёсся треск моторов на катерах.

Конев откинулся на спину и, улыбнувшись, блаженно потянулся.

1993г.

Часы

Тем летом после окончания второго курса института я подрабатывал на почте. Меня удивляет, что теперь работа почтальона в нашем сознании закрепились как чисто женская. На самом деле на почте должны работать только одни мужики и причем атлетического телосложения. Побегайте по три часа каждый день по лестнице с первого этажа на второй и обратно с огромной кипой газет в руках, и вы меня поймете. А платят за эту физкультуру не так уж и много. Впрочем, как и везде, где приходится работать мускулами. Однако после студенческой стипендии любые деньги покажутся огромными, а здоровьем в свои девятнадцать лет я не был обделен, так что мне было грех жаловаться.

Кроме раздачи газет и писем в обязанности почтальона входила еще и разноска по квартирам пенсий (вот вам ещё одна причина, из-за которой почтальонами должны работать крепкие мужики). С последней обязанностью лично сам я столкнулся ровно через неделю после того, как начал свою работу в роли разносчика печатной информации. С утра ко мне подошла начальница нашего отделения связи и сказала:

– Сергей, завтра ты на раздачу не пойдешь. У тебя поручения.

– Какие поручения? – удивился я, ещё не совсем освоившись с почтовым жаргоном. – Пойдешь раздавать пенсии на пятый участок, – пояснила начальница. – Мы пока не хотели тебя трогать, но сам понимаешь: людей не хватает, так что придётся тебе осваиваться.

– Хорошо, – я кивнул головой. – Осваиваться, так осваиваться.

На следующее утро я получил довольно кругленькую сумму, поставил где надо роспись и отправился по поручениям.

Я ходил по квартирам, отсчитывая и пересчитывая купюры, до тех пор, пока у меня не начала съезжать крыша от цифр. Но всему, даже самому тяжёлому, приходит конец. Последним в моей ведомости значился Артеев Николай Андреевич. Нажимая на кнопку звонка его квартиры, я ощутил приятное чувство облегчения от того, что это поручение – последнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.